

Глава 2

— И как же они преставились? — с неподдельным интересом спросил Юэ Цянь. — Ну-ка, деда, выкладывай всё как есть.

— Ишь ты, — Старик Юэ недовольно нахмурился, — неужто совсем ничего не помнишь?

— Так мне же голову проломили, забыл? В памяти всё как в тумане. Деда, ну не томи, рассказывай!

Пожилой человек тяжело вздохнул. Сердце его болело за пострадавшего внука, и он, не выдержав напора, начал свой рассказ.

Ещё тридцать лет назад семейство Инь считалось в деревне Цзячжи изгоями.

Дед Инь Мо был простым, как выжженное поле, крестьянином — из тех, у кого в котле вечно гулял ветер. Его сын, Инь Цзян, вечно ходил полуголодным и в конце концов, едва дотянув до десяти лет, сбежал из дома, заявив напоследок, что вернётся только тогда, когда разбогатеет. Деревенские долго потешались над его словами: мол, много ли заработает этот чахоточный замухрышка, который и в школе-то почти не бывал?

Однако спустя годы Инь Цзян действительно вернулся, и вернулся триумфально. Вот только его ремесло заставило соседей в ужасе округлить глаза: он сделал состояние на мертвецах.

— Ну, похоронные услуги, и что в этом такого? — пожал плечами Юэ Цянь.

— Хм! Тебе не понять, — отрезал дед. — В наших краях к такому относятся с суеверным страхом.

Собеседник пояснил: хотя в каждой семье рано или поздно приходится ставить поминальный шатёр и провожать близких в последний путь, в обычной жизни никто не хотел иметь дела с теми, кто на этом зарабатывает. А Инь Цзян брался за любую чёрную работу: мастерил венки и бумажное золото, перетаскивал тела, пел заупокойные песни... Не было ничего, в чём бы он не набил руку.

Семья Инь быстро разбогатела, отгрохала новый дом, а вскоре Инь Цзян привёз жену — красавицу по имени А Чжуан, которая специализировалась на пении во время обрядов. Голос у неё был такой, что всякий раз, когда она заводила свою песню, вокруг собиралась толпа мужчин.

— Значит, тогда уже никто не боялся? — иронично заметил Юэ Цянь.

— Люди — существа странные, что тут скажешь, — философски отозвался Старик Юэ.

Дела семьи шли в гору: из самых нищих в деревне они превратились в самых зажиточных. Инь Цзян расширял бизнес, посёлок Цзячжи стал для него слишком тесен, и он вместе с А Чжуан перебрался в город. Там и родился Инь Мо. Его мать продолжала выступать на похоронах даже на поздних сроках беременности, а после родов не выдержала и месяца — снова вышла на работу. Говорят, Инь Мо первым делом научился не звать маму с папой, а напевать «Песню для мёртвых».

Юэ Цянь невольно потёр плечо, почувяв холодок.

— Звучит жутковато.

— Ещё бы! — подхватил старик. — Видать, у четы Инь от постоянного общения с покойниками разум помутился. Они всерьез гордились тем, что их ребёнок с пелёнок тянет мертвецкие песни. А Чжуан каждому встречному об этом трезвонила, иначе откуда бы вся деревня об этом прознала?

Родителям было не до воспитания, поэтому маленького Инь Мо отправили в деревню к дедушке с бабушкой, наняв в придачу няньку. В те годы позволить себе прислугу могли только по-настоящему богатые люди.

Деревенские разрывались между завистью и ужасом. Однажды, когда няня вынесла воспитанника во двор погреться на солнце, мимо проходил сосед. Услышав из-за забора странные звуки, он заглянул внутрь и увидел ребёнка. Тот смотрел прямо на него и... пел. Сосед божился, что это была самая настоящая «Песня для мёртвых».

Бедняга перепугался до смерти, вернулся домой и слёг с лихорадкой. Родственники потребовали от семьи Инь ответа, и старикам пришлось откупаться, чтобы замять скандал.

Инь Цзян и А Чжуан, узнав о случившемся, примчались в деревню, чинно навестили больного соседа с извинениями и подарками. А в течение следующего месяца на ту семью посыпались все беды мира: кто заболел, кто на ровном месте покалечился, а кто и под машину угодил.

Слухи о том, что Инь Цзян владеет чёрным колдовством, разлетелись мгновенно. С тех пор никто не решался переходить дорогу этим людям. За спиной шептались: мол, за такие дела рано или поздно придёт расплата.

И расплата не заставила себя ждать.

Когда Инь Мо исполнилось пять лет, его дедушка и бабушка ушли в горы и не вернулись. Нашли их лишь спустя время — лесные звери оставили от них лишь жалкие останки. Старик Юэ тогда сам участвовал в поисках; вспомнив то кровавое зрелище, он на мгновение замолчал,

подбирая слова.

— А зачем они вообще пошли в горы? — В Юэ Цяне мгновенно проснулся инстинкт следователя.

— За лесными дарами пошли. Это ты у нас лентяй, в жизни за грибами не ходил, вот и спрашиваешь глупости.

— Но если они были так богаты, зачем им это сдалось?

— Эх, люди всю жизнь в нужде прожили, привычки-то не меняются.

Дед продолжил: деревня тогда гудела как растревоженный улей. Поговаривали, что это грехи Инь Цзяна пали на головы родителей — дескать, не звери их сожрали, а невидимые силы жизнь востребовали. Но полиция тогда всё досконально проверила: несчастный случай, дикое зверьё. Такое в горах случается каждый год.

Инь Цзян вернулся, чтобы устроить похороны, но его расфуфыренная жёнушка так и не появилась. Сам он страшно осунулся, снова став похожим на того чахоточного мальчишку из прошлого. В следующие полгода Инь Цзян и А Чжуан скончались один за другим. Пятилетний Инь Мо остался круглым сиротой.

— Погоди, погоди! — перебил Юэ Цянь. — А они-то от чего умерли?

— Слышал я, что один в аварию попал, а другой болезнь подкосила, — вздохнул Старик Юэ с искренним сожалением. — Бедный малец, в пять лет ни единой родной души не осталось.

Юэ Цянь нахмурился:

— Что за болезнь? И при каких обстоятельствах случилась авария?

Дед только руками развёл:

— Откуда мне знать? Ты у нас полицейский, вот сам и выясняй, если охота.

— Да я... просто любопытствую. Продолжай, деда.

Старик на мгновение замялся, а потом ворчливо спросил:

— На чём я остановился?

— На том, что Инь Мо стал сиротой. Как же он выжил?

Старик усмехнулся:

— А чего бы ему не выжить? Государство-то на что?

Обычно таких маленьких сирот в деревнях растили всем миром, но Инь Мо в глазах соседей был вестником несчастий, монстром, к которому побоялись бы подойти и за золотой слиток. Никто не решался ему помогать.

Он жил один в огромном пустом доме. Когда голод становился невыносимым, он шёл в посёлок, к полицейскому участку, просить еды. Путь в несколько километров для пятилетнего ребёнка был не близок, но он шёл.

Старик Юэ жалел его и несколько раз тайно приносил мальчику домашнюю еду.

По соседству с домом Инь жила семья Ань. Дела у них шли из рук вон плохо, и крестьяне всюду шептались, что это из-за близости к «проклятому» дому. Видимо, почувствовав родство душ в несчастье, Ани после недолгих колебаний разрешили Инь Мо приходить к ним на обед.

Мальчик с детства был странным. Всегда холодный, отстранённый, с непроницаемым лицом. Когда один за другим умирали его близкие, никто не видел, чтобы он проронил хоть слезу. Казалось, он не понимает, что такое смерть. В деревне, где даже взрослые бледнели при упоминании покойников, этот ребёнок не испытывал перед гибелью ни страха, ни благоговения.

Однажды он не пришёл на обед к соседям, не появился и в участке. Старик Юэ, набравшись храбрости, вошёл в дом Инь, но мальчика там не оказалось. Деревня зашептала: мол, забрали его те, с кем он знался.

Пропажа ребёнка — дело серьёзное. Участок тут же подняли по тревоге. Старику Юэ пришла в голову мысль, что малец мог с тоски по деду с бабкой уйти в горы. Это было страшно: в ту пору хищники были особенно активны. В одиночку Инь Мо там бы не выжил.

— И он действительно ушёл в горы? — спросил Юэ Цянь.

Дед таинственно прищурился:

— А вот угадай, где его нашли?

Раз дед спрашивал так, горы отпадали. Юэ Цянь на секунду задумался и ляпнул первое, что пришло на ум:

— На кладбище? К родителям пошёл?

Трёхколёсный мотоцикл резко вильнул и затормозил. Юэ Цянь со всего размаху впечатался лбом в железную раму.

— Твою ж... Старик Юэ, ты меня убить решил?!

— Как ты догадался?! — Дед округлил глаза от изумления.

Юэ Цянь потирал ушибленный лоб. В его практике хватало случаев, когда люди в поисках утешения — или из чувства вины — шли на могилы. Особенно это касалось преступников.

— Ты угадал лишь наполовину, — Старик Юэ снова завёл мотор. — Инь Мо действительно нашли среди могил, но не на кладбище. И пошёл он вовсе не к родным.

— А к кому же?

— К чужим мертвецам, с которыми у него не было ничего общего.

Поиски в горах затянулись до темноты и не дали результатов. Полицейские уже собирались возвращаться, когда один из патрульных заметил вдали огни. Там, за горным хребтом, лежала пустошь со старыми безымянными захоронениями, заброшенными ещё несколько десятилетий назад.

Никто и помыслить не мог, что ребёнок окажется там. Полицейские помчались на свет, боясь лесного пожара. В лучах мощных прожекторов они увидели Инь Мо. В этом слепящем свете его бледная кожа казалась почти прозрачной, а сам он — маленьким призраком.

Среди полицейских тоже хватало суеверных: у некоторых при виде этой картины подкосились ноги. Старик Юэ подошёл и поднял мальчика на руки:

— Малыш, зачем ты здесь?

— Мне не с кем поговорить, — ответ Инь Мо заставил кровь застыть в жилах. — В деревне со мной никто не разговаривает.

— Но здесь же тоже никого нет...

— Есть. Их здесь много, — будничным тоном ответил ребёнок, и от этой простоты по спинам собравшихся пробежал мороз. — Они рассказывали мне сказки, и я уснул.

Инь Мо привезли в участок. Начальник тогда строго-настрого запретил деду рассказывать деревенским об этом случае. Старик Юэ честно держал язык за зубами, но вскоре вся деревня уже знала: Инь Мо видит «нечисть» и спит на могилах.

В полиции с ним долго беседовали, убеждали не ходить на погосты, даже к врачам возили. Всё без толку. Дома он почти не бывал, признавая лишь два места: старую пустошь за горой и дома, где кто-то умер.

Стоило кому-то затеять «белые дела», как он тихой тенью присаживался у венков и слушал: как поют женщины, как причитают мужчины. Он тихонько подпевал им, словно маленький дух-хранитель.

Когда пришло время идти в школу, Инь Мо просто игнорировал уроки. Председатель деревни и начальник участка несколько раз лично отводили его в класс, но он неизменно сбегал. Искать его было не нужно — он всегда был там, среди могил.

Так прошло два года. А потом за ним приехали из города. Сказали — учитель Инь Цзяна, хочет забрать мальчика.

В памяти Старика Юэ этот человек остался как седовласый, статный господин по фамилии Линь. В полиции его проверили: солидный бизнесмен, владелец крупного ритуального агентства. Мальчик уехал с ним, и дом семьи Инь окончательно опустел, превратившись для местных ребятишек в «дом с привидениями», куда ходили только ради испытания храбрости.

— Ты и сам туда в детстве лазил, не помнишь? — добавил дед.

Юэ Цянь, заслушавшийся, встрепенулся:

— Да где уж там упомянуть детские забавы.

Старик кивнул и продолжил: когда все уже успели позабыть о мрачном семействе, Инь Мо внезапно вернулся.

Ему было двадцать. Он приехал на машине, которая стоила целое состояние по меркам деревни. Дорогие часы, брендовая обувь... Когда он снял солнцезащитные очки, все увидели породистое, тонкое лицо и те самые узкие, манящие глаза, что достались ему от А Чжуан.

Некоторые даже не сразу поняли, кто перед ними, пока он не вошёл в старые ворота дома Инь.

Повзрослевший Инь Мо отличался от себя маленького лишь одним — он постоянно улыбался. Улыбка делала его лицо открытым и дружелюбным, но если присмотреться, в глазах плескался арктический холод. Казалось, он смотрит не на живых людей, а сквозь них.

— Инь Мо вернулся!

— Какой ещё Инь Мо?

— Да тот самый Звезда несчастья! Сын Инь Цзяна и А Чжуан!

Инь Мо мгновенно стал главной темой для сплетен. Всем было любопытно, зачем он приехал, но спросить не решались. Впрочем, через пару дней он сам дал ответ: восстановил отцовское дело и занялся похоронным бизнесом.

Жить в старом деревенском доме он не стал. У него появились участки и магазины в посёлке, поговаривали, что и в городе бизнес процветает. Компанию он назвал «Кольцо жизни и смерти» — название, от которого у суеверных мурашки бежали по коже.

В деревне он появлялся редко, но его визиты всегда оставляли след: стоило ему приехать, как кто-нибудь обязательно заболел. Если раньше деревенские ещё смели задирать его деда, то теперь обходили Инь Мо стороной. От него веяло бедой. К тому же ходили слухи, что он связан с криминалом и может запросто пустить пулю в лоб любому, кто ему не понравится.

— Серьёзно? — Юэ Цянь, ещё не успевший вникнуть в тонкости местного правопорядка, приподнял бровь.

— Слухи это всё, — буркнул дед. — Я не видел, чтобы он кого-то убивал. Но и на честного торговца он не похож. Тёмные они люди, эти гробовщики.

Молодой человек задумался:

— А тот парень, Ань Сю — он что, подручный Инь Мо?

— Ань Сю? Эх, жаль мне семью Ань, они куда несчастнее этих Инь. Инь Мо хоть учитель отца помог, а Ань Сю — сирота при живой матери, да и умом не блещет. Не давай ему Инь Мо работу, он бы с голоду помер.

Голос старика утонул в грохоте очередной петарды. Юэ Цянь хотел было расспросить ещё, но дед зычно гаркнул:

— Приехали! Вылезай!

Юэ Цянь сквозь сизую дымку от хлопушек разглядел молодую женщину в зелёном костюме, которая увлечённо снимала видео на телефон. Рядом с ней крутился парень её лет. Дама явно была городской — это выдавали и манеры, и дорогая одежда, совершенно неуместная в деревне Цзячжи. Парень же был местным — приземистый, круглолицый малый, он преданно

следовал за спутницей, стараясь во всём ей угодить.

«Должно быть, парочка, — решил Юэ Цянь. — Паренёк поехал в город на заработки, нашел там красавицу и теперь привёз знакомить с семьёй, заодно и видео для соцсетей снимают»

В праздничные дни такие возвращения не были редкостью.

Проходя мимо, офицер Юэ не собирался подслушивать, но профессиональная привычка взяла верх. Он отчётливо услышал голос женщины:

— Вот, теперь я буду жить в доме А-Бэя. Тут, конечно, бедновато, но что поделать, если я его люблю? Сейчас пойду готовить лекарство для его сестры... Родня у него, правда, тяжёлая, боюсь, придётся мне несладко.

Слова прозвучали как-то фальшиво. Молодой человек невольно бросил на женщину оценивающий взгляд. Та заметила его внимание и испуганно ойкнула.

— Что случилось? — Цю Цзиньбэй тут же подскочил к ней, подозрительно уставившись на Юэ Цянь.

Женщина шёпотом спросила:

— А-Бэй, кто это?

— Да это бесполезный внук Старика Юэ, — в голосе парня прорезалось превосходство. Он даже выпрямился. — Толку от него никакого, выучился на полицейского, да и там ему голову проломали.

— Вот как... А ведь он симпатичный.

— Красотой сыт не будешь, нищеврод он.

Юэ Цянь только хмыкнул.

Семья, которую они навещали, носила фамилию Ян. Старик Ян был давним другом деда, они десятилетиями вместе резались в карты. Юэ Цянь вёл себя образцово: послушно поздравлял, вручал подарки, а затем скромно пристроился в углу, пощёлкивая семечки и слушая стариковские байки.

Хозяин жил вдвоём с женой. Дети были завалены работой в городе и обещали приехать только через пару дней, так что в доме было непривычно тихо. Визиту Старика Юэ он обрадовался как

ребёнок и тут же завёл разговор на самую животрепещущую тему — мировую политику.

Слушая их, Юэ Цянь убедился, что этот мир почти не отличается от его прежнего. Видимо, перемены носили лишь частный характер.

Когда тарелка с семечками опустела, а дед и не думал закругляться, с улицы донёлся пронзительный женский голос — кричала та самая дама в зелёном. Юэ Цянь выглянул в окно, и это не укрылось от Старика Яна.

— Странная она какая-то, Цянь-цзы. Ты на Цю Цзиньбэя не смотри, не вздумай твоему деду такую же чудную невесту в дом привести.

Понимая, что в ближайшее время они не уедут, Юэ Цянь решил поддержать разговор:

— А что не так с подружкой Цю Цзиньбэя?

Старик Ян, который давно точил зуб на соседей, охотно выдал:

— Ты на него погляди и на неё. В семье Цю вечно какой-то кавардак, долги да ссоры, с чего бы городской девке туда рваться? Моё слово — она что-то задумала. Она ищет... ищет...

— Ну не томите, — подначил Юэ Цянь, — что же она ищет?

Хозяин дома прочистил горло и, понизив голос до заговорщицкого шёпота, выпалил:

— Она их всех на почки выпотрошит, вот увидишь!

<http://bllate.org/book/15837/1427894>